

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-874-894

Этнокультурный потенциал залоговых форм и его дискурсная актуализация

Л.А. Козлова

Алтайский государственный педагогический университет
656031, Россия, г. Барнаул, ул. Молодежная, д. 55

Данная статья относится к области этнограмматики, основателем которой по праву является Анна Вежбицкая, впервые высказавшая мысль о том, что не только лексикон, но и грамматика языка принимает активное участие в детальной репрезентации тех концептов, которые имеют особую значимость для определенного лингвокультурного сообщества. Исходя из этого основная задача этнограмматики состоит в реконструкции специфики культуры на основе анализа грамматических явлений и выявлении способов кодирования культурно-специфического семантического содержания в грамматике языка. Анализ фактов грамматики в данном ракурсе позволяет выявить этнокультурные факторы, которые могли лежать в основании формирования некоторых грамматических категорий, а также объяснить изменения в грамматике языка, которые происходят сегодня. В задачи статьи входит анализ средств выражения залоговых значений в этнокультурном ракурсе и выявление факторов этнокультурного характера, которые влияют на их выбор в различных видах дискурса. Выбор категории залога в качестве объекта исследования обусловлен тем, что, по мнению многих исследователей, она относится к числу наиболее культурно-чувствительных и отражает особенности менталитета нации, культурные ценности и специфику этностиля коммуникации. В статье показана эволюция взглядов на сущность категории залога в контексте меняющихся парадигм научного знания, изложена сущность залоговых отношений с позиции функционального и когнитивного-дискурсивного подходов и сделана попытка выявления этнокультурных факторов, которые обуславливают выбор категориальных и некатегориальных залоговых форм в разных видах дискурса. К числу таких факторов относится деятельностный характер англоязычной культуры, в котором человеку отводится роль деятеля, творца своей судьбы, что находит свое отражение в особой значимости концепта АГЕНТИВНОСТЬ и во многом определяет выбор залоговых форм. В числе факторов, обуславливающих необходимость и целесообразность использования пассивных конструкций, выделяются следующие: 1) намеренное желание не называть деятеля в соответствии с принципом вежливости; 2) попытка уйти от ответственности за свои действия; 3) стремление придать генерализованный смысл своему личному мнению, выдавая его за общепринятое. И хотя названные функции пассивного залога характерны не только для англоязычного дискурса, в них, как показано на конкретном фактическом материале статьи, также находят свое отражение культурные ценности и особенности англоязычного стиля коммуникации.

Ключевые слова: *этнограмматика, этнокультурный потенциал, английский язык, залог, функционально-семантическое поле, дискурсная вариативность*

The Ethnocultural Potential of Voice Forms and Its Discourse Actualization

Lyubov A. Kozlova

Altai State Pedagogical University
Molodyezhnaya street, 55, Barnaul, Russia, 656031

Abstract

The article belongs to the field of ethnogrammar, a branch of linguistics founded by Anna Wierzbicka, and the main goal of which is the reconstruction of cultural specificity on the basis of grammatical analysis. The analysis of grammar in the ethnocultural aspect enables us to reveal the ethnocultural factors which might have served as the backbone of certain grammatical categories or might explain the grammatical changes happening here and now. The aim of the article is the analysis of the category of voice in the ethnocultural aspect and elucidation of the ethnological factors which determine the choice of voice forms in various types of discourse. The choice of this category as the object of study is determined by the fact that it presents one of the most culture-sensitive categories and it reflects most fully the specificity of the nation's mentality, its cultural values as well as the specificity of communication ethnostyle. The author shows the evolution of views on the essence of the category of voice in the context of changing paradigms of scientific knowledge, presents the essence of voice relations viewed from the functional and cognitive-discursive points of view and attempts to elucidate the ethnocultural factors which determine the choice of both categorical and noncategorical voice forms in various types of discourse. One of these factors is the 'doing' type of Anglo culture, and especially American culture in which a human being is presented as an active agent, a creator of his/her destiny and it finds reflection in the language consciousness and in the language units, including the choice of voice forms. Among other important factors which determine the necessity and expediency of using the passive constructions the author points out the following: 1) a deliberate wish not to point out the agent of the action in accordance with the politeness principle; 2) an attempt to avoid responsibility for one's actions; 3) the intention to impart a generalizing meaning to one's own opinion by disguising it as a general rule. All this enables the author to make a conclusion about the significance of discourse culture for the realization of voice forms as well as about the discourse variability of voice functions.

Key words: *ethnogrammar, ethnocultural potential, the English language, voice, functional-semantic field, discourse variability*

1. ВВЕДЕНИЕ

Из истории развития лингвистики известно, что каждая новая парадигма вносит свои коррективы в изменение канона описания различных явлений языка. Интенсивное развитие когнитивно-дискурсивного подхода к анализу языковых фактов ставит новые задачи перед исследованиями в области грамматики. Основная задача грамматических исследований заключается сегодня не в систематизации различных грамматических явлений (тем более, что это уже успешно сделано в рамках системоцентрической парадигмы), а, во-первых, в выявлении тех ментальных структур и тех когнитивных механизмов, которые лежат в их основе, и, во-вторых, в изучении грамматических единиц и категорий в процессе их функционирования в различных видах дискурса.

Указывая на изменение канона грамматических исследований, В.А. Гуреев подчеркивает, что современные грамматики становятся все более и более дискурсивно-ориентированными (Гуреев 2009: 232).

Как отмечает С.Б. Уланова, в грамматике дискурса проводится изучение грамматических явлений в различных типах контекстов, что позволяет исследовать грамматические явления в их взаимодействии со стилистическими приемами, позволяющими оценить роль грамматики в создании и понимании художественных миров (Уланова 2017: 833).

Одним из таких важнейших контекстов, влияющих на становление грамматических категорий и выбор грамматических форм, несомненно, является контекст культуры. Как отмечал В.А. Виноградов, когниция человека всегда культурно обусловлена, и когнитивной основой классификации является этнокультурная категоризация мира (Виноградов 2000: 420). Поэтому многие вопросы грамматической теории не могут получить адекватного объяснения без обращения к фактам, связанным со спецификой мировосприятия, особенностями менталитета, национального характера, культурных ценностей и социального строя того или иного лингвокультурного сообщества. Мысль о том, что различия в грамматическом строении языков являются результатом различий мировосприятия, характера нации, была впервые высказана в трудах В. фон Гумбольдта, который писал: «В соответствии с индивидуальной неповторимостью того способа, каким дух выражает себя через язык, последний получает окраску и характер. <...> Образ мысли и мироощущение народа, придающие <...> окраску и характер его языку, с самого начала действуют на этот последний» (Гумбольдт 2000: 162—163).

Однако наиболее последовательное развитие эти идеи получили только в конце XX века в работах А. Вежбицкой (Wierzbicka 1988; 1992; 2006 и др.), которые заложили основу для создания нового направления грамматики, получившего название этнограмматики.

Оценивая вклад А. Вежбицкой в мировую лингвистику, А. Гладкова и Т. Ларина подчеркивают, что, выдвинув смысл в качестве важнейшего объекта лингвистического анализа, А. Вежбицкая разработала собственный подход к изучению смысла — естественный семантический метаязык (ЕСМ), который успешно применяется для изучения различных языков (Gladkova, Larina 2018: 509).

Используя данный метод, Вежбицкая показала возможность его применения при изучении вопросов манифестации культуры как в лексике, так и в грамматике языка. Как отмечает Н.Ф. Энфилд (Enfield 2004) в предисловии к коллективной монографии “Ethnosyntax. Explorations in Grammar and Culture”, “*Grammar is thick with cultural meaning. Encoded in the semantics of grammar we find cultural values and ideas, we find clues about the social structures which speakers maintain, both historically relevant and otherwise, of social organization of speech communities*” (Enfield 2004: 1). (Грамматика изобилует культурными значениями. В семантике грамматики мы обнаруживаем закодированные в ней культурные ценности и идеи, сведения о поддерживаемых говорящими социальных структурах, которые имеют историческое и иное значение, о социальной организации сообществ, говорящих на том или ином языке (здесь и далее перевод мой — Л.К.). Эту же мысль высказывает К. Годдард, отмечая тот факт, что, находясь на пересечении грамматики, семантики и культуры, этносинтаксис интегрирует данные этих наук и занимается

изучением того, как синтаксические структуры предложения кодируют культурно-специфическое семантическое содержание (Goddard 2004: 52—53).

Если понимать культуру, вслед за Э. Сепиром, как то, «что данное общество делает и думает», а язык — как «то, как думает» (Сепир 1993: 193), то следует признать, что именно в грамматическом строе языка в первую очередь отражается то, *как* думает то или иное языковое сообщество, *как* оформляется мысль в том или ином языке. Несмотря на очевидность данного утверждения, количество исследований, посвященных изучению этнокультурного потенциала грамматики, все еще сравнительно невелико. Р. Лэнкер отмечает, что если лексикон языка безоговорочно признается хранилищем культурной информации, то тот факт, что подобная информация может получать выражение в грамматике языка, не имеет еще такого однозначного признания (Langacker 1997: 241). По мнению Т.М. Николаевой, полное описание картины мира, стоящей за системой грамматических категорий того или иного языка, еще не сделано ни для одного языка (Николаева 2000: 435).

Язык, рассматриваемый в когнитивном ракурсе, метафорически определяется как окно в сознание, и задача когнитивной лингвистики состоит в реконструкции работы сознания на основе анализа языковых фактов. Используя данную метафору, можно считать, что задача этнограмматики как части общей теории этнолингвистики состоит в реконструкции специфики национальной ментальности на основе анализа грамматических явлений. Лингвистам хорошо известно утверждение Э. Сепира о том, что каждый язык имеет свой особый «покрой» (*a certain cut*) (Sapir 1949: 120).

Анализ фактов грамматики в этнокультурном ракурсе позволяет выявить причины этнокультурного характера, которые могли лежать в основании этого «покроя», служить стимулом для формирования некоторых грамматических категорий, становления тех или иных синтаксических структур, а также для объяснения некоторых изменений в грамматике языка, которые происходят сегодня. С другой стороны, исследователь, работающий в этой области, может также идти в направлении от определенных концептов к поискам средств их репрезентации в грамматике языка и специфики в выборе этих средств, обусловленной факторами этнокультурного характера.

За последние годы появилось значительное число работ, в которых рассматриваются отдельные вопросы, связанные с этнокультурной спецификой различных грамматических явлений (Гак 2000; Джиева 1995; Карасик 2002; Озюменко 2015; Dirren, Verspoor 1998; Palmer 1996 и др.). Вместе с тем следует признать, что вопросы, связанные с этнокультурной специфичностью грамматического строя языка, требуют дальнейшего изучения и систематизации, что подчеркивает актуальность данной проблематики и необходимость работы в этом направлении грамматических исследований. Как подчеркивает А. Вежбицкая, “*It is a commonplace to say that every language embodies in its very structure a certain worldview, a certain philosophy. To prove it in a rigorous and verifiable way, however, is quite a different matter*” (Wierzbicka 1988: 169). (Утверждение, что каждый язык

воплощает в своей структуре определенное мировидение и определенную философию, стало уже привычным, но представить точные и убедительные доказательства этого — совершенно иное дело.)

Наиболее убедительным подтверждением данного тезиса может быть только обращение к эмпирии языка, к конкретным языковым фактам сквозь призму этнограмматики. Соответственно, анализ категории залога в настоящей работе проводится с целью выявления факторов этнокультурного характера, которые влияют на выбор средств выражения залоговых различий в англоязычном дискурсе. По мнению многих исследователей, категория залога, в основе которой лежат отношения между действием и его участниками, относится к числу наиболее культурно-чувствительных (*culture-sensitive*), что и обусловило наш выбор данной категории для рассмотрения этнокультурного потенциала грамматического строя языка. Так, характеризуя специфику категории залога, Т. Гивон отмечает, что залог относится к числу наиболее сложных категорий, поскольку он характеризуется широким семантическим и прагматическим диапазоном (Givon 1995: 71—72). Понимание того, что именно в прагматике, выражающей отношения между языковым знаком и его пользователем, находит свое отражение специфика этнокультурного сознания говорящих, позволяет рассматривать категорию залога как одну из наиболее культурно-чувствительных.

При рассмотрении сущности залоговых отношений мы исходим из ее трактовки с позиции функциональной грамматики (Бондарко 1972; Мустайоки 2006; Givon 1995, Halliday 1994 и др.), в рамках которой категория залога описывается как функционально-семантическая категория, построенная по полевому принципу и объединяющая все способы передачи залоговых отношений, включая грамматические, т.е. категориальные, и некатегориальные (синтаксические, лексические, словообразовательные) формы выражения залоговых значений. Более подробно мы остановимся на этом в следующем разделе статьи.

Материалом для анализа послужил корпус примеров, отобранных методом целенаправленной выборки из текстов британских, американских и канадских авторов, представляющих различные виды дискурса: научный, политический и художественный. Основанием для использования различных вариантов английского языка в материале исследования послужило понятие *'Anglo English'* как часть более широкого понятия *'Anglo culture'*, под которыми, вслед за А. Вежбицкой, мы понимаем английский язык, на котором говорят в тех странах, где он является основным, и единое англосаксонское культурное наследие, на основе которого развивались национальные культуры англоговорящих стран (Wierzbicka 2006: 5—7).

2. МЕСТО КАТЕГОРИИ ЗАЛОГА И ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ЕЕ СУЩНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ МЕНЯЮЩИХСЯ ПАРАДИГМ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Категория залога, в основании которой лежат отношения между действием, его агенсом и объектом действия, относится к числу наиболее ранних языковых категорий и имеет статус языковой универсалии, поскольку лежащие в ее основе

отношения имеют большое значение в жизнедеятельности человека и характере взаимоотношений человека с окружающим миром, что имеет большое значение для всех культур. Залоговые отношения находят свое выражение в той или иной форме, грамматической или неграмматической, во всех языках мира (Плунгян 2003: 191—224; Холодович 1979). На значимость залоговых отношений в языке и их важное место в языковой картине мира указывает и тот факт, что как в русском, так и в английском языках залоговые значения имеют множественные способы языковой репрезентации и включают не только морфологические, но и лексические и словообразовательные средства, вся совокупность которых образует функционально-семантическое поле залоговости (Бондарко 1972; Медведева 1983).

На важное место категории залога в теоретическом осмыслении языка указывает и тот факт, что она занимает одно из центральных мест в грамматических исследованиях, выполненных в контексте различных исследовательских парадигм, при этом каждая парадигма высвечивает тот или иной аспект залоговых отношений. В рамках традиционной грамматики залог рассматривался, прежде всего, как морфологическая категория, но при этом исследователи указывали на тот факт, что залоговые отношения носят морфолого-синтаксический характер, так как изменение грамматической формы глагола влечет за собой изменение всей структуры предложения, ср. *Он написал свою первую картину в 6 лет — Его первая картина была написана им в 6 лет. He painted his first picture at the age of 6. His first picture was painted by him at the age of six.*

В семантическом синтаксисе залог определяется в терминах диатезы, т.е. как морфологически маркированные отношения между семантикой и синтаксисом предложения: форма активного залога маркирует параллелизм между семантической и синтаксической функциями подлежащего, а форма пассивного залога — отсутствие такого параллелизма (Холодович 1979: 284). Я.Г. Тестелец определяет залог как диатезу, грамматически выраженную в глаголе (Тестелец 2001: 411).

В функциональной грамматике, в основе которой лежит тезис об объяснении языковой формы прежде всего ее функциями, залог рассматривается как одна из наиболее комплексных категорий, охватывающая целый спектр функциональных и дискурсивно-прагматических вопросов, которые взаимодействуют между собой, и граница между которыми нередко оказывается довольно диффузной (Givon 1995: 3—4). Важным в данной точке зрения является, на наш взгляд, тезис о значимости дискурсивно-прагматических факторов, оказывающих влияние на выбор залоговой формы.

Основным постулатом функциональной грамматики, в основе которого лежит ономаσιологический подход, является постулат о существовании в языке множественных средств языковой репрезентации одного и того же мыслительного содержания. Совокупность этих средств образует функционально-семантическую категорию, устроенную по полювому принципу: в ее центре находится соответствующая грамматическая категория, которая является прототипическим средством передачи данного содержания, а на периферии, на разном расстоянии от центра, в зависимости от «чистоты» передаваемого смысла и частотности употребления,

находятся лексические, синтаксические и словообразовательные средства передачи данного смыслового содержания, или данной функции (Бондарко 2002: 289—359; Мустайоки 2006: 18—148). Как подчеркивает А.В. Бондарко, грамматика, построенная по полевому принципу, позволяет интегрировать те языковые средства, которые не удавалось интегрировать в традиционной грамматике, в рамках которой классификация языковых единиц осуществляется по принципу их принадлежности к определенному языковому уровню (Бондарко 2002: 290).

Взгляды, довольно близкие этим, содержатся в основе теории оптимальности, разрабатываемой американскими исследователями в рамках генеративного подхода (Prince, Smolensky 1993). В центре данной теории также находятся проблемы поиска оптимальных средств передачи содержания. Анализ различных средств выражения залоговых отношений с позиций теории оптимальности позволяет ранжировать их по степени оптимальности представления активной/пассивной перспективы высказывания (Legendre, Raymond, Smolensky 1993). Несмотря на различия в терминологии, между данными подходами имеется много общего в концептуальном плане.

Рассматриваемая с позиций функциональной грамматики, вся совокупность языковых средств выражения залоговых различий может быть представлена как функционально-семантическое поле, в центре которого находится грамматическая категория залога глагола как прототипический способ выражения залоговых отношений, а периферия представлена комплексом непрототипических разноразрядных (словообразовательных, лексических и синтаксических) средств, объединенных общим значением залоговости (Бондарко 1972). Данное поле может быть также представлено в виде двух микрополей активности и пассивности, отражающих сущность семантико-синтаксической оппозиции «актив::пассив». Так, в английском языке значение залоговости, помимо грамматических, или категориальных форм залога, может регулярно выражаться некатегориальными средствами — единицами других частей речи: существительными (*an employer — an employee*), прилагательными (*unreadable, unputdownable*), модальными словами с пассивным значением (*allegedly, presumably*), глагольными и именными лексемами со значением активности/пассивности (*to suffer a defeat, to undergo a test, a war victim, an object of attention*). Например:

- (1) *In business you were sometimes the pusher and sometimes **the pushee*** (I. Shaw. Evening in Bysantium) (В бизнесе иногда ты выгалкивал других, а иногда другие **выгалкивали тебя**).
- (2) *I'll arrange it, if it is **arrangeable*** (H. Wouk. The Winds of the War). (*Я организую это, если это **можно организовать***).

Значение пассивности в предложениях (1), (2) подтверждается возможностью замены существительного и прилагательного прототипическим средством передачи залоговых отношений — глаголом в форме пассивного залога: *In business you sometimes **pushed** (others) and sometimes **were pushed**. I'll arrange it, if it **can be arranged**.*

Совокупность всех способов выражения залоговых отношений в английском языке образует широкое функционально-семантическое поле залоговости, в котором

неграмматические средства передачи залоговых отношений занимают значительное место. Так, по данным Л.М. Медведевой, они составляют 30% от общего числа всех средств выражения залоговости в английском языке (Медведева 1983: 23). По данным нашего корпуса примеров в количестве 2000 единиц, прототипические средства, т.е. формы пассивного залога личных и неличных форм в микрополе пассивности составляют 68%, глагольные формы активного залога, выражающие пассивное значение в результате нейтрализации оппозиции «актив—пассив» — 7%, прилагательные с суффиксом *able/ible* — 14%, наречия типа *allegedly, supposedly* — 7%, глагольные и именные лексемы с пассивным значением — 4%.

Таким образом, с учетом сказанного, в нашей работе принимается функциональный подход к сущности категории залога, которая понимается нами как функционально-семантическая категория, включающая как прототипическое средство выражения залоговости — грамматическую форму залога глагола, так и единицы других уровней: словообразовательные, лексические и синтаксические, передающие значение залоговости. Еще одним аргументом в пользу такой трактовки залоговости служит тот факт, что подобное объединение этих средств в составе единого функционально-семантического поля максимально точно отражает способ их организации в языковом сознании, где они группируются не по уровневому принципу, как в языковой системе, а по общности смысла, т.е. вокруг концептов. Этот факт, по сути, сближает функциональный и когнитивный подходы к анализу залоговых отношений.

Значительный вклад в выявление сущности залоговых различий внесли работы, выполненные с позиции когнитивной грамматики, рассматривающей грамматические явления в связи с ментальной деятельностью человека. Как отмечает В.А. Плунгян, «выбор одной граммы залога вместо другой отражает не столько изменения реального мира..., сколько изменения в отношении того, как говорящий *хочет представить* соответствующую ситуацию и ее участников» (Плунгян 2003: 194).

О.К. Ирисханова рассматривает залоговые преобразования как результат когнитивных операций фокусирования/дефокусирования. Дефокусирование определяется автором как когнитивная операция, или «мыслительный процесс, направленный на выведение из фокуса внимания определенных свойств объектов или ситуаций» (Ирисханова 2007: 72), в данном случае речь идет о выведении из фокуса внимания агенса действия, что может быть продиктовано определенными прагматическими факторами, о чем подробнее пойдет речь далее. К этой точке зрения близка трактовка сущности пассивного залога как процедуры, направленной на «подавление» (*demotion*) подлежащего, т.е. на превращение подлежащего из обязательного актанта в факультативный (Grimshaw 1990: 109—118). Эту же мысль образно формулирует С. Пинкер, говоря о том, что варьирование залоговых форм позволяет автору направлять взгляд читателя от агенса к объекту, подобно тому, как это делает кинооператор, меняя фокус своей камеры (Pinker 2015: 55)

Рассматриваемые в когнитивно-дискурсивном ракурсе, залоговые формы трактуются как особый формат знания, отражающий разные способы языковой

репрезентации одной и той же пропозициональной структуры, или образ-схемы ситуации действительности, которые являются результатом фокусирования/дефокусирования внимания говорящего/слушающего на субъект или объект действия, что обусловлено комплексом факторов структурного, семантического и прагматического характера.

При анализе категории залога в этнокультурном ракурсе в фокусе внимания исследователя находятся вопросы этносоциокультурного характера, особенности национального характера и культурные ценности, которые оказывают влияние на выбор залоговых форм.

Следует отметить, что точки зрения исследователей и преподавателей при этом могут быть кардинально противоположными. Так, во многих американских пособиях для начинающих писателей и редакторов, в лекционных и практических курсах по обучению письменной речи авторы настоятельно рекомендуют употреблять преимущественно формы активного залога и избегать пассивных конструкций. Из опыта профессионального общения с американскими коллегами я знаю, что в некоторых колледжах преподаватели нередко вычеркивают формы пассивного залога из эссе студентов, предлагая заменить их формами активного залога.

В многочисленных пособиях по обучению письменной речи пассивные конструкции нередко наделяются такими негативными характеристиками, как *'hazy, distant, watery and evasive'* (туманные, слабые, бесцветные и уклончивые), и, напротив, формы активного залога характеризуются как *'more effective, adding a feeling of liveliness and vigor to the sentence'* (более эффективные, добавляющие предложению живость и энергию) (Цит. по: Baron 1989: 19—20). Как считает В. Зинссер, *"the difference between an active verb style and a passive verb style — in pace, clarity and vigor— is the difference between life and death for a writer"* (разница между стилями с глаголом в активном и пассивном залоге — это разница между жизнью и смертью для писателя) (Цит. по: Baron 1989: 20).

Можно предположить, что в этом предпочтении форм активного залога находит свое отражение динамический, деятельностный тип англоязычной, прежде всего американской культуры, в которой, в отличие от русской, человеку отводится роль деятеля, творца своей судьбы (см., например, [Larina, Mustajoki, Protassova 2017; Visson 2013, Wierzbicka 1997] и др.). Это не может не находить своего выражения в языковом сознании и в языке, в том числе в выборе залоговых форм.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в английском языке число существительных с суффиксом *-er*, обозначающих агенса/деятеля, значительно превышает число существительных с суффиксом *-ee*, называющих объект воздействия, и число лексических оппозиций типа *an examiner:: an examinee; an interviewer:: an interviewee* невелико. Конечно, ограниченное число существительных с суффиксом *-ee* в английском языке частично обусловлено и его франкофонным происхождением, но это отнюдь не умаляет значимости этнокультурного фактора, в данном случае деятельностного типа культуры, что, наряду с другими свидетельствами, находит подтверждение и в высокой продуктивности суффикса *-er* в английском языке.

Следствием доминирования принципа агентивности в языковом сознании носителей английского языка является и тот факт, что свойством агентивности в англоязычном дискурсе наделяются не только одушевленные, но и неодушевленные сущности. Это находит свое синтаксическое выражение в том, что позицию подлежащего в английском предложении часто занимают существительные, обозначающие явления природы, транспортные средства, болезни, времени суток, части тела. Например:

- (3) *A taxi brought him there* (F. Forsyth). (*Они приехали туда на такси.*)
- (4) *The tickets got us inside the door. No farther* (E. Bombeck). (*Предъявив билеты, мы смогли только войти. Но не продвинуться дальше.*)
- (5) *His look traveled over the room* (J. Galsworthy). (*Он обвел взглядом комнату.*)

Синтаксическая позиция подлежащего, прототипической функцией которого является функция агенса, придает таким существительным агентивный характер. Данное явление получило название анимизма (*animacy*), т.е. одушевления неодушевленного, а частотность его употребления, как отмечает Т. Гивон, обусловлена спецификой культуры и мировосприятия этноса (Givon 1984: 106—107). Перевод подобных предложений на русский язык обычно требует изменения синтаксической структуры предложения и употребления в функции подлежащего агенса действия.

Вместе с тем следует признать, что приводимая выше трактовка преимуществ активного залога по сравнению с пассивным представляется нам несколько упрощенной и утилитарной. Гораздо более убедительным кажется мнение тех исследователей, которые полагают, что запрет на употребление форм пассивного залога лишает авторов свободы выражения мысли. Так, например, Д. Бэрн считает, что “*The Passive voice can be your friend*” (*Пассивный залог может стать Вам другом*), подчеркивая тем самым, что формы пассивного залога становятся абсолютно необходимыми в определенных условиях дискурса (Baron 1989: 17).

Значимость этнокультурного фактора в выборе и частотности употребления залоговых форм становится особенно очевидной при сопоставлении функционирования залоговых форм в английском и русском языках. Так, в русском и южнославянских языках широко распространена конструкция «дательный падеж с рефлексивом» типа:

- (6) *В Тетерках мне хорошо писалось* (Г. Горбовский).
- (7) *Что-то мне никак не умирается* (Л. Дуров).
- (8) «Чего же ты побежал?» — возмутился Кузнечик. «Не знаю», радостно признался Горбач. «Как-то **побежалось**» (М. Петросян).

Подобные конструкции, определяемые как модально-деагентивные (Князев 2007: 298), используются для описания физического или психического состояния человека и передают, передавая при этом дополнительные модальные значения неожиданности, удачи, случайности, неполной контролируемости описываемого действия.

Указание на лицо, испытывающее данное состояние или выполняющее действие, в таких предложениях присутствует, но его грамматическое выражение

формой дательного падежа лишает его статуса агенса, т.е. активного участника действия. Определяя безличность/неагентивность как специфическую черту синтаксиса русского языка, Н.Д. Арутюнова особо подчеркивает тот факт, что в данной категории проявляется концептуальная (когнитивная), т.е. отражающая особенности мировосприятия специфика русского языка (Арутюнова 1998: 794). Этнокогнитивная сущность данной конструкции состоит в том, что для русского этнического сознания естественно полагать, что, хотя любое действие имеет своего субъекта, не всякий субъект при этом активен, а потому действие может проходить помимо или вопреки воле и желания субъекта.

Как отмечает Е.А. Режабек, подобные представления восходят к архетипу человеческого сознания (Режабек 2006: 38—39). Представление о вмешательстве внешних сил сохранилось в русском языке при описании рефлексии личности над своим психическим или физическим состоянием.

Примечательно, что подобные конструкции типа *me thinks* имели место в английском языке, но были постепенно вытеснены активными конструкциями, и в современном языке они представлены ограниченным числом случаев типа *it occurred to me, it appeals to me*.

Как показывает наблюдение над функционированием залоговых конструкций в различных типах дискурса, их выбор обусловлен значительным числом факторов, в том числе особенностями построения дискурса в разных языках, а также типом дискурса и его прагматическими функциями. Так, характерной структурной особенностью развертывания дискурса в английском языке является сохранение одного и того же подлежащего в рамках одного предложения и или последовательности предложений (*subjecthood rule*). В тех случаях, когда в ходе развертывания дискурса семантическая роль подлежащего меняется от агенса к объекту действия, это неминуемо приводит к необходимости изменения залоговой формы. Например:

- (9) *He came up to the door and was **nodded through** with a smile* (S. Faulks. A Week in December). (Он подошел к двери, и его пригласили войти кивком головы и улыбкой.)

Тип дискурса и его основные функции также оказывают решающее влияние на выбор залоговых форм, о чем пойдет речь в следующем разделе статьи.

3. ДИСКУРСНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ЗАЛОГОВЫХ ФОРМ И ИХ ФУНКЦИЙ

Современные грамматические исследования становятся все больше и больше дискурсно-ориентированными. Функции залоговых форм в различных типах англоязычного дискурса достаточно подробно представлены в целом ряде работ (Givon 1995: 45, 71—107; Berk 1999: 119—121; Biber, Johansson, Leech, Conrad, Finegan 1999: 935—943 и др.), при этом в фокусе внимания авторов находятся прежде всего дискурсивные факторы, такие, как топикализация, которые определяют выбор залоговых форм. Рассматривая дискурсивную вариативность залоговых форм, мы попытаемся выявить этнокультурные факторы, которые находят свое отражение в их выборе.

Как показывают специальные исследования, наибольшей частотностью употребления пассивных конструкций характеризуется научный дискурс. Так, по данным авторов *Longman Grammar of Spoken and Written English*, в научном дискурсе формы пассивного залога составляют 25% от общего количества глагольных форм, а в устной речи — 2% (Biber, Johansson, Leech, Conrad, Finegan 1999: 476). Это объясняется тем, что основной функцией научного дискурса является информативная, и потому в фокусе внимания чаще всего находится не агенс, а объект исследования, что и обуславливает более высокую частотность употребления пассивных, как правило, безагенсных конструкций, по сравнению с другими видами дискурса. Например:

- (10) *The use of 'they' in such sentences is frowned upon in formal English* (D. Bolinger. *Language — the Loaded Weapon*). (*Употребление местоимения they в подобных предложениях встречает неодобрение в официальном английском.*)

В тех случаях, когда возникает необходимость указания на агенса действия, он вводится в конце предложения, что повышает его салиентность. Например:

- (11) *Another such construction is one in which is followed by a prepositional phrase* (W. Chafe. *Discourse, Consciousness, and Time*). (*Еще одной конструкцией такого типа является конструкция, в которой за глаголом следует предложная фраза.*)

В англоязычном научном дискурсе широко используются также некатегориальные средства выражения пассивной перспективы. К их числу относятся, прежде всего, прилагательные с суффиксом *-able/-ible*, обладающим высокой продуктивностью, что находит свое выражение в том, что данный суффикс используется для создания новых производных, например, *transferable*, *transmittable*, *inferable*. Данные прилагательные настолько близки по своей семантике к морфологическому пассиву, что могут, подобно ему, сочетаться с предлогом *by*, вводящим агенса действия. Например:

- (12) *PIE, for example, was interpretable by Time Readers as 'throw a pie in the face of' only because it appeared in a story about a pie-throwing* (E. Clark & H. Clark. *When Nouns Surface as Verbs*). (*PIE был интерпретирован читателями TIME как 'бросаться пирогами в лицо' только потому, что он встретился в рассказе о бросании пирогами.*)

Близость данных прилагательных к морфологическому пассиву дает основания Д. Болинджеру рассматривать их как «любопытную форму имплицитного пассива» (*curious implicit passive*) (Bolinger 1980: 87).

Высокая продуктивность и частотность употребления данного подкласса прилагательных обусловлена их компактностью в сочетании с большой семантической емкостью. Именуя качество, которое обеспечивает потенциальную возможность выполнения действия по отношению к предмету или лицу (1) *acceptable* — *good enough to be used for a particular purpose or to be considered satisfactory*; 2) *recognizable* — *able to be recognized or identified from previous knowledge*; 3) *distinguishable* — *clear enough to be recognized or identified as different*; 4) *understandable* — *able to be understood*), эти прилагательные представляют собой гибридные, семантически емкие образования, совмещающие в себе

категориальные значения качества, залоговости и деонтической модальности, и потому максимально отвечающие требованиям компактности, точности и краткости, которые являются основными критериями хорошего стиля в британской культуре (Wierzbicka 2006: 26). Именно эти качества данного подкласса прилагательных обеспечивают их высокую продуктивность и частотность употребления во всех типах дискурса, и особенно в научном.

Несмотря на то, что достаточно высокая частотность употребления безагенсных пассивных конструкций характерна как для русскоязычного, так и для англоязычного научного дискурса, следует отметить, что в англоязычном научном дискурсе гораздо чаще, чем в русском, находит свое проявление такая черта английского языка, как *'me-first-orientation-principle' (MFOP)* (Cooper, Ross 1975), что связано с индивидуалистским типом англоязычной культуры. Так, излагая собственную точку зрения, англоязычный автор обычно начинает предложение с фразы *I suppose (think, presume)*, в то время как для русскоязычного научного стиля в подобных случаях более характерно употребление местоимения множественного числа *мы*, а также форм страдательного залога *думается, что; представляется более корректным* и т.д. (См., например, [Larina, Ozyumenko, Kurteš 2017]). Как отмечает Анна Вежбицкая (Wierzbicka 2006), широкое употребление эпистемических фраз в целом является одной из характерных черт современного английского языка (Wierzbicka 2006: 2014).

Безагенсные пассивные конструкции (а их число составляет около 85% всех пассивных конструкций) (Berk 1999: 12) широко используются не только в научном, но и в других видах дискурса, прежде всего в бытовом и художественном, что также нередко обусловлено факторами этносоциокультурного характера.

Прямое указание на агенса действия представляется говорящему нежелательным с учетом социокультурных норм поведения, принятых в обществе, в частности, фактора вежливости. Отмечая данный факт, И. А. Зимняя высказывает мысль о том, что высокая частотность употребления безагенсного пассива может быть связана с определенными нормами викторианской эпохи, предписывающими сдержанность суждений, отстраненность, неявную эксплицированность мысли. Безагенсный пассив представляет собой способ уклонения от прямого наименования субъекта действия, продиктованный особенностями этносоциокультурных норм поведения в обществе (Зимняя 1993: 56). Именно в таких случаях используется пассивная конструкция без указания на субъект действия, который умалчивается либо из необходимости следовать правилам вежливости, которая является основным регулятором коммуникативного поведения, предопределяющим стиль коммуникации (Larina 2015; Leech, Larina 2014), либо в целях уклонения от ответственности за действия, о которых идет речь. При этом могут использоваться как морфологические, так и неморфологические средства передачи пассивного значения. Приведем примеры.

- (13) *“Why am I born who I am? Why am I not born Miss Freeman?” — “That question were better not asked”* (J. Fowles. The French Lieutenant’s Woman). (Почему я родилась тем, кто я есть? Почему я не родилась Мисс Фримен? — Этот вопрос лучше не задавать.)

- (14) *Con wanted some changes; if I agreed, the film would be doable* (A. Miller. *Timebends*). (Кон хотел внести кое-какие изменения, и, в случае моего согласия, фильм можно будет делать.)
- (15) *'Well, may we see Bruno?' 'Bruno isn't very seeable today'* (I. Murdoch. *Bruno's Dream*). (Можно нам сегодня повидать Бруно? Бруно не в том состоянии, чтобы с кем-то повидаться.)

В примере (13), используя морфологическую форму пассива, говорящий намеренно фокусирует внимание на вопросе, а не на лице, которое задает вопрос, из соображений вежливости. В примере (14), который представляет собой фрагмент разговора между сценаристом и продюсером, продюсер намеренно фокусирует внимание на фильме, а не на собственной личности, тем самым снимая с себя ответственность за его производство. В примере (15) говорящий, следуя правилам вежливости, смягчает свой отказ, переводя фокус внимания от себя к объекту действия, представляя его как каузатора отказа.

Подчеркнем, что, как показывает анализ фактического материала, в выборе залоговых форм большую роль играют не только этнокультурные, но и социокультурные факторы. Этническое и социальное постоянно взаимодействуют в культуре и языке (Копыленко 1997). Нам представляется убедительной точка зрения тех исследователей, которые считают, что в грамматике находят отражение как этноспецифические, так и социоспецифические факторы: условия жизни и воспитания, характер и условия трудовой деятельности и даже формы политического устройства общества (Зубкова 1998: 207—208). Достаточно вспомнить мнение М.М. Бахтина, считавшего, что стиль — это не только человек, но и режим, а грамматике принадлежит важная роль в формировании стиля.

Безагенсные пассивные конструкции широко используются в политическом дискурсе в качестве эффективного приема ухода или снятия с себя ответственности, как, например, в следующем прецедентном высказывании, приписываемому и Р. Никсону, и Р. Рейгану:

- (16) *Mistakes were made*. (Были допущены ошибки.)

Приведем еще один пример. Отвечая на запрос члена комиссии по вопросам 11 сентября 2001 года о том, что было сделано администрацией Буша по координации действий ФБР и ЦРУ, К. Райс, государственный секретарь администрации Буша, сказала:

- (17) *We were in office for 233 days. And the kind of structural changes that had been intended by this country for some time **did not get done** in that period of time* (www.post-gazette.com). (Мы были членами администрации 233 дня. И за это время те структурные изменения, которые должны были быть сделаны в этой стране, не были сделаны.)

Использование пассивной конструкции обусловлено прагматическим принципом снятия ответственности: деятель намеренно не назван, поскольку К. Райс не желает эксплицитно высказать свою причастность к этому факту.

Безагенсные пассивные конструкции обладают свойством придавать высказыванию генерализованный характер, как в примере (18):

- (18) *Hungry people are easily led* (K. Mansfield. *A Cup of Tea*). (Голодного человека очень легко увести.)

Эта особенность пассивных конструкций нередко используется с прагматической целью выдать собственное мнение за общепринятое, что придает высказыванию универсальный характер. Такие высказывания можно квалифицировать как псевдоуниверсальные, и они относятся к средствам т.н. лингвистической демагогии, т.е. приемам убеждения коммуниканта (Николаева 2000: 155—161). Этот прием часто используется в аргументативных речевых актах как в политическом, так и в бытовом дискурсе. Так, говорящий может выразить собственное неодобрение чьего-либо поступка, используя при этом безагенсный пассив и таким образом выдавая свое личное мнение за общепринятое:

- (19) *Such a behaviour is strongly **disapproved of** in our society* (J. Austen). (Такое поведение не одобряется в нашем обществе.)

Богатый прагматический потенциал пассивных конструкций, обусловленность их употребления комплексом этносоциокультурных факторов позволяет использовать их в художественном дискурсе в качестве эффективного стилистического приема для воссоздания определенного социально-политического климата в обществе и описания пассивной, подавленной личности. Так, в своем знаменитом романе «1984» Дж. Оруэлл умело использовал потенциал пассивных конструкций для раскрытия темы подавления свободы личности в условиях тоталитарного общества. Хотя концепт СВОБОДА является универсальным, для западных культур свобода личности, возможность выразить собственное мнение является одной из основных культурных ценностей, и ее отсутствие приводит к подавлению личности. Используя широкий арсенал языковых средств выражения пассивности при их чрезвычайной плотности, автор показывает, как тоталитарный строй подавляет личность, лишая ее активности, желая принимать решения и нести ответственность за их выполнение.

Основной фон романа задается повествованием от 3-го лица, которое ограничено сознанием главного персонажа романа Винстона. Именно с помощью этого приема разворачивается тема ограниченности свободы мыслей и поступков главного героя. При чтении романа читатель воспринимает события только так, как они были восприняты сознанием Винстона, что дает возможность понять, насколько подавленной оказывается личность при тоталитаризме. Приведем несколько примеров.

- (20) *You had to live — did live, from habit that became instinct — in the assumption that **every sound** you made **was overheard**, and, except in darkness, **every movement scrutinized*** (G. Orwell. 1984). (Вы вынуждены были жить и жили, по привычке, которая стала инстинктом, осознавая тот факт, что каждый произносимый вами звук прослушивался, и каждое движение, если только его не скрывала темнота, внимательно разглядывалось.)
- (21) ***He could be heard**, of course, but so long as he stayed in his present position **he could not be seen*** (G. Orwell. 1984). (Его было слышно, но до тех пор, пока он оставался в этом положении, его не было видно.)

Пассивные конструкции являются также одним из эффективных способов создания образа безвольной, пассивной, ведомой личности. Так, протагонистом романа Джона Фаулза “*The French Lieutenant’s Woman*” является Чарльз Смит-

сон — молодой аристократ, ученый-палеонтолог, человек, который на протяжении всей своей жизни являлся постоянным объектом внимания со стороны родственников, друзей семьи и многочисленных молодых особ. Создавая этот образ, Джон Фаулз широко использует пассивные конструкции:

- (22) ...*he never entered society without being ogled by the mamas, clapped on the back by the papas and smiled at by the girls* (J. Fowles. *The French Lieutenant's Woman*). (Он ни разу не появлялся в обществе без того, чтобы на него нежно не поглядывали мамыши семейств, не похлопывали по спине папашки, и ему не улыбались девушки.)

Достигнув зрелого возраста, Чарльз продолжает оставаться человеком, за которого принимают решения другие люди, и даже решение о женитьбе принимает не он, а особа, которая его выбрала, и это положение его вполне устраивает:

- (23) ...*he was happy to be adulated, fussed over, consulted, deferred to* (J. Fowles. *The French Lieutenant's Woman*). (Он был доволен тем, что ему льстили, его окружали чрезмерной заботой, его интересы принимались во внимание, с его мнением считались.)

Неизбежным итогом такой позиции является то, что он становится жертвой обстоятельств, запросов, манипулирования чувствами, и его вынуждают подписать документ, подтверждающий его вину в расторжении помолвки, что заставляет его вынести себе приговор:

- (24) *I am marked and defiled to the end of my life* (J. Fowles. *The French Lieutenant's Woman*). (Мое имя и моя репутация запятнаны навсегда.)

Широкое использование пассивных конструкций позволяет сделать вывод об их роли в создании художественного образа безвольной, ведомой личности.

Как грамматические, так и лексические средства выражения залоговых различий характеризуются частой совместной встречаемостью, что способствует созданию стилистического приема антитезы. Например:

- (25) *There are two people involved in boredom, not just one: the borer and the boree* (M. Atwood. *Bodily Harm*). (За состояние скуки всегда отвечают двое, а не один: тот, кто нагоняет скуку, и тот, кто ее испытывает.)
- (26) *It had been the imperative of their years together. He lived to serve her. She lived to be served* (E. George. *Careless in Red*). (Это было обязательным условием их совместной жизни. Он жил для того, чтобы служить ей. Она жила для того, чтобы ей служили.)

Данные примеры позволяют говорить о значительном экспрессивном потенциале залоговых форм, однако следует отметить, что этот вопрос заслуживает отдельного рассмотрения.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выдвинув в качестве основного положения тезис о том, что в грамматическом строе языка находят своеобразное отражение особенности менталитета нации, ее культурные ценности, особенности национального характера и коммуникативные конвенции, мы ставили своей задачей найти подтверждение этому тезису на мате-

риале анализа функционирования категориальных и некатегориальных залоговых форм английского языка в различных типах дискурса. Проведенный анализ показывает, что категория залога, будучи одной из наиболее сложных антропоцентрических категорий, в основе которой лежат отношения между действием, его агенсом и его объектом, относится к числу наиболее культурно-чувствительных. Анализ функционирования категориальных и некатегориальных залоговых форм в различных типах дискурса позволил выявить как отражение определенных норм англоязычной культуры, так и те специфические функции, которые реализуются залоговыми формами в разных типах дискурса. Все сказанное позволяет сделать вывод о значимости дискурса культуры для реализации залоговых форм и их дискурсной вариативности

Таким образом, подтверждая идею этнограмматики Анны Вежбицкой, данная работа свидетельствует, что в рамках антропоцентрической лингвистики назрела насущная необходимость дальнейшего расширения исследований на стыке грамматики и культуры.

© Л.А. Козлова, 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арутюнова Н.Д. *Язык и мир человека*. М.: Языки русской культуры, 1998. [Arutyunova, N.D. (1998). *Yazik i mir cheloveka*. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury (in Russ.)]
- Бондарко А.В. К теории поля в грамматике — залог и залоговость (на материале русского языка) // *Вопросы языкознания*. 1972. № 3. С. 20—35. [Bondarko, A.V. (1972) K teorii polya v grammatike — zalog i zalogovost. *Voprosi yazikoznaniya*, 3, 20—35 (In Russ.)]
- Бондарко А.В. *Теория значения в системе функциональной грамматики. На материале русского языка*. М.: Языки славянской культуры, 2002. [Bondarko, A.V. (2002) *Teoriya znacheniya v sisteme funktsional'noi grammatiki. Na materiale russkogo yazika*. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury (In Russ.)]
- Виноградов В.А. Классификационные типы в движении // *Res Linguistica: сборник статей к 60-летию профессора В. П. Нерознака*. М.: Academia, 1999. С. 420—423. [Vinogradov, V.A. (1999) Klassifikatsionnye tipy v dvizhenii *Res Linguistica: sbornik statei k 60-letiyu professora V.P. Neroznaka*. Moscow, Academia, 420—423 (in Russ.)]
- Гак В.Г. Язык как форма самовыражения народа // *Язык как средство трансляции культуры*. М.: Наука, 2000. С. 54—68. [Gak, V.G. (2000) *Yazyk kak forma samovyrazheniya naroda. Yazyk kak sredstvo translyatsii kul'tury*. Moscow: Nauka, 54—68. (In Russ.)]
- Гумбольдт фон В. *Избранные труды по языкознанию*. Пер. с нем. Под ред. и с предисл. д-ра филол. н., проф. Г.В. Рамишвили. 2-е изд. М.: Прогресс, 2000. [Humboldt, W. von (2000) *Izbrannye trudy po yazykoznaniiu*. Moscow: Progress. (In Russ.)]
- Гуреев В.А. Изменение канона грамматического описания // *Горизонты современной лингвистики. Традиции и новаторство*. Сборник в честь Е.С. Кубряковой. М.: Языки славянской культуры, 2009. С. 225—238. [Gureev, V.A. (2009) *Izmenenie kanona grammaticheskogo opisaniya Gorizonty sovremennoi lingvistiki. Traditsii i novatorstvo*. Sbornik v chest' E.S. Kubryakovoi. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 225—238. (in Russ.)]
- Джиоева А.А. *Синтаксизация имени и номинативность английского языка*. М.: МААЛ, 1995. [Dzhioeva, A.A. (1995) *Sintaksizatsiya imeni i nominativnost' angliiskogo yazyka*. Moscow, MAAL. (In Russ.)]

- Зимняя И.А. Способ формирования и формулирования мысли как реальность языкового сознания // *Язык и сознание: парадоксальная рациональность*. М.: Институт языкознания РАН, 1993. С. 51—59. [Zimnyaya, I.A. (1993) Sposob formirovaniya i formulirovaniya mysli kak real'nost' yazykovogo soznaniya *Yazyk i soznanie: paradoksal'naya ratsional'nost'*. Moscow: Institut yazykoznaniiya RAN, 51—59. (In Russ.)]
- Зубкова Л.Г. Языковое содержание и языковая картина мира (к постановке вопроса) // *Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты*. Материалы международной научно-практической конференции. В 2-х т. Бийск, 1998. Т. 1. С. 205—210. [Zubkova, L.G. (1998) Yazykovoe sodержanie i yazykovaya kartina mira (k postanovke voprosa). *Yazykovaya kartina mira: lingvisticheskii i kul'turologicheskii aspekty*. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. V 2-kh t. Biisk. T. 1, 205—210. (In Russ.)]
- Ирисханова О.К. Концептуальный анализ и процессы дефокусирования // *Концептуальный анализ языка: современные направления исследования*. Сборник научных трудов. М.: Эйдос, 2007. [Iriskhanova, O. K. (2007) Kontseptual'nyi analiz i protsessy defokusirovaniya *Kontseptual'nyi analiz yazyka: sovremennye napravleniya issledovaniya*. Sbornik nauchnykh trudov. Moscow, Eidos (in Russ.)]
- Карасик В.И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград: Перемена, 2002. [Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoii krug: lichnost', kontsepty, diskurs*. Volgograd: Peremena. (In Russ.)]
- Князев Ю. П. *Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе*. М.: Языки славянских культур, 2007. [Knyazev, Yu.P. (2007). *Grammaticheskaya semantika. Russkii yazyk v tipologicheskoi perspektive*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. (in Russ.)]
- Копыленко М.М. Социальное и этническое в языке (очерк взаимодействия) // *Облик слова: сборник статей*. РАН. Институт русского языка. М.: 1997. С. 354—359. [Kopylenko, M.M. (1997) Sotsial'noe i etnicheskoe v yazyke (ocherk vzaimodeistviya) // *Oblik slova: sbornik statei*. Moscow: RAN. Institut russkogo yazyka, 354—359. (in Russ.)]
- Медведева Л.М. *Части речи и залог*. Киев: Вища школа, 1983. [Medvedeva, L.M. (1983) *Chasti rechi i zalog*. Kiev: Vishcha shkola (In Russ.)]
- Мустайоки А. *Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам*. М.: Языки славянской культуры, 2006. [Mustajoki, A.(2006). *Teoriya funktsional'nogo sintaksisa: ot semanticheskikh struktur k yazykovym sredstvam*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury (In Russ.)]
- Николаева Т.М. *От звука к тексту*. М.: Языки русской культуры, 2000. [Nikolaeva, T.M. (2000) *Ot zvuka k tekstu*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. (In Russ.)]
- Озюменко В.И. Выражение эмоций грамматическими средствами в английском дискурсе. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2015. № 1. С. 126—143. [Ozyumenko V. (2015). Grammatical means of expressing emotions in English discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 1, 126—143. (In Russ.)]
- Плунгян В.А. *Общая морфология: Введение в проблематику*: Учебное пособие. Изд. 2-е, исправленное. М.: Едиториал УРСС, 2003. [Plungyan, V.A. (2003) *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku*: Uchebnoe posobie. 2 ed-n. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)]
- Режабек Е.Я. Культурные границы языкового сознания. О вписанности грамматических категорий в эволюцию культуры // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2006. № 3. С. 28—43. [Rejabeck, E.J. (2006). Culture Limits of Language Consciousness. The Inclusiveness of Grammatical Categories in Evolution of Culture. *Issues of Cognitive Linguistics*, 28—43 (In Russ.)]
- Сепир Э. *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. Пер. с англ. М.: Прогресс-Универс, 1993. [Sapir, Edward (1993) *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii*. Moscow: Progress-Univers. (In Russ.)]

- Тестелец Я.Г. *Введение в общий синтаксис*. М.: РГГУ, 2000. [Testelecs, Ya.G. (2000) *Vvedenie v obshchii sintaksis*. Moscow: RGGU. (In Russ.)]
- Уланова С.Б. От грамматической семантики к грамматике дискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 4. С. 833—843. [Ulanova, S. (2017). From Grammatical Semantics to Grammar of Discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (4), 833—843. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-833-843. (In Russ.)]
- Холодович В.В. Залог. Определение. Исчисление // *Проблемы грамматической теории*. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1979. С. 277—292. [Kholodovich, V.V. (1979). Zalog. Opredelenie. Ischislenie. In *Problemy grammaticheskoi teorii*. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otделение, 1979, 277—292. (in Russ.)]
- Baron, Denis (1989). *Declining Grammar and Other Essays on the English Vocabulary*. National Council of Teachers. Urbana, Illinois.
- Berk, Lynn M. (1999). *English Syntax. From Word to Discourse*. Oxford University Press.
- Biber, Douglas; Johansson, Stig; Leech, Geoffrey; Conrad, Susan; Finegan, Edward (1999). *Longman Grammar of Spoken and Written English*. Harlow, Essex: Pearson Education Ltd.
- Bolinger, Dwight (1980). *Language — the Loaded Weapon. The Use and Abuse of Language Today*. London, New York: Longman.
- Cooper, William E., Ross, John Robert (1975). World Order. Grossman, R.E., San, L.J., Vance, T.J. (eds.) *Papers from the parasession on functionalism*. Chicago, Chicago Linguistic Society, 63—111.
- Dirren, Rene, Verspoor, Marjolijn (1998). *Cognitive Explorations of Language and Linguistics. (Cognitive Linguistics in Practice)*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamin Publishing Company.
- Givon, Talmy (1984). *Syntax. A Functional-Typological Introduction*. Volume I. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins.
- Givon, Talmy (1995). *Functionalism and Grammar*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Gladkova, Anna and Larina, Tatiana (2018). Anna Wierzbicka, Words and The World. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (3), 499—520. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-499-520.
- Goddard, Cliff (2004). Ethnosyntax, Ethnopragmatics, Sign-functions, and Culture. *Ethnosyntax. Explorations in Grammar and Culture*. Ed. By N.L. Enfield. Oxford University Press, 52—73.
- Grimshaw, Jane (1990). *Argument Structure*. Cambridge, Ma. The MIT Press.
- Halliday, Michael (1994). *An Introduction to Functional Grammar*. 2-nd ed-n. Lnd., E. Arnold.
- Enfield, Nick, F. (2004). Ethnosyntax: Introduction. *Ethnosyntax: Explorations in Grammar and Culture*. Oxford University Press, 1—30.
- Kies, Daniel (1992). The Uses of Passivity: Suppressing Agency in “Nineteen Eighty-Four”. *Advances in Systemic Linguistics*. London, New York.: Pinter Publishers, 229—250.
- Langacker, Ronald. W. (1997). The Conceptual Basis of Cognitive Semantics. *Language and Conceptualization*. Ed. by Jan Nuyts and Eric Pederson. Cambridge University Press, 229—252.
- Larina, Tatiana (2015). Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics*, Volume 7, number 5. Special Issue: Communicative Styles and Genres, 195—215.
- Larina, Tatiana, Arto Mustajoki, and Ekaterina Protassova (2017). Dimensions of Russian culture and mind. In Katja Lehtisaari and Arto Mustajoki (eds.) *Philosophical and cultural interpretations of Russian modernisation*. Series: Studies in Contemporary Russia. London/New York: Routledge, 7—19.

- Larina, Tatiana V., Ozyumenko, Vladimir I., Kurteš, Svetlana. I-identity vs we-identity in language and discourse: Anglo-Slavonic perspectives *Lodz Papers in Pragmatics*. Vol. 13, issue 1, 2017, 109—128.
- Leech, Geoffrey; Larina, Tatiana (2014). Politeness: East and West. *Russian Journal of Linguistics*, 4, 9—34.
- Legendre, Geraldine; Raymond, William; Smolensky, Paul (1993). An Optimality-theoretic Typology of Case and Grammatical Voice Systems. *Proceedings of the 19th annual meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Ed. by Joshua S. Guenter, Barbara A. Kaiser, and Cheryl Zoll. Berkeley: University of California, Berkeley Linguistics Society.
- Palmer, Gary B. (1996). *Towards a Theory of Cultural Linguistics*. Austin, University of Texas Press.
- Pinker, Steven (2015). *The Sense of Style. The Thinking Person's Guide to Writing in the 21st Century*. Penguin Books.
- Prince, Alan & Smolensky, Paul (1993). *Optimality Theory: Constraint Interaction in Generative Grammar*. Rutgers University Center for Cognitive Science.
- Sapir, Edward (1949). *Language. An Introduction to the Study of Speech*. New York: Harcourt, Brace & World, Inc.
- Visson, Lynn. (2013): *Where Russians Go Wrong in Spoken English. Words and Phrases in the Context of Two Cultures*. R.VAlent. Moscow.
- Wierzbicka Anna (1988). *The Semantics of Grammar*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Wierzbicka Anna (1992). *Semantics, Culture and Cognition*. Oxford: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna (1997). *Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*. Oxford: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna (2006). *English. Meaning and Culture*. Oxford: Oxford University Press.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 29 июля 2018

Дата принятия к печати: 03 сентября 2018

Article history:

Received: 29 July 2018

Revised: 27 August 2018

Accepted: 03 September 2018

Для цитирования:

Козлова Л.А. Этнокультурный потенциал залоговых форм и его дискурсная актуализация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = *Russian Journal of Linguistics*. 2018. Т. 22. № 4. С. 874—894. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-4-874-894.

For citation:

Kozlova, Lyubov (2018). The Ethnocultural Potential of Voice Forms and its Discourse Actualization. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (4), 874—894. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-4-874-894.

Сведения об авторе:

КОЗЛОВА ЛЮБОВЬ АЛЕКСАНДРОВНА — доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Алтайского государственного педагогического университета. *Сфера научных интересов*: когнитивная семантика, этнолингвистика, межкультурная коммуникация,

сопоставительная прагматика. Основные публикации: *Проблемы функционального сближения частей речи в современном английском языке (монография)*. Барнаул, 1997; *Этнокультурный потенциал грамматического строя языка и его реализация в грамматике говорящего (монография)*. Барнаул, 2009; The Modality of Speech Acts as Manifestation of Communication Ethnostyle. *The European Proceedings of Social and Behavioral Studies EpSBS*. Volume XXXIX, (30 April 2018). pp. 205—212. doi: <http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2018.04.02.30>.

Контактная информация: lyubovkozlova@list.ru

Bionote:

LYUBOV KOZLOVA is a full professor of the Altai State Pedagogical University. Her research interests embrace cognitive semantics, ethnolinguistics, intercultural communication, comparative pragmatics. Key publications: *Problemy funktsional'nogo sblizheniya chastei rechi v sovremenom angliiskom yazyke* (The Problems of Functional Interaction of Parts of Speech in Contemporary English). Barnaul, 1997; *Etnokul'turnyi potentsial grammaticheskogo stroya yazyka i ego realizatsiya v grammatike govoryashchego* (The Ethnocultural Potential of the Grammatical Structure of Language and its Actualization in the Speaker's Grammar). Barnaul, 2009; The Modality of Speech Acts as Manifestation of Communication Ethnostyle *The European Proceedings of Social and Behavioral Studies EpSBS*. Volume XXXIX, (30 April 2018), 205—212. doi: <http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2018.04.02.30>.

Contact information: lyubovkozlova@list.ru